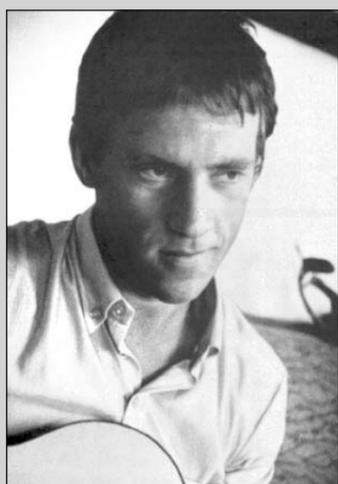
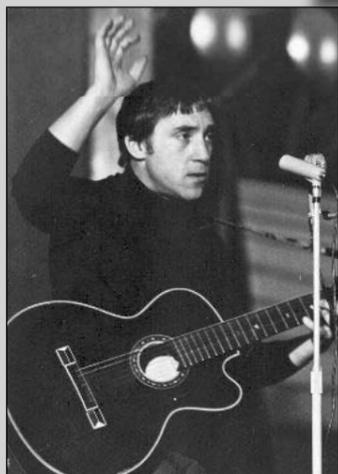

«Я к микрофону стал, как к образам»

Помню, помню те шестидесятые, когда мы, непутёвые шестиклассники, неожиданно запели — не в хоре, а между собой прямо на улице: «Если друг оказался вдруг...».

Кинофильм ещё и не дошёл до нашего села (кажется, и вовсе не дошёл), а песни из «Вертикали» пели повсюду.

Мы ничего тогда не понимали, мы просто подспудно блаженствовали от той правды, что лилась из этих песен.

— Гляди, гляди, это и есть Высоцкий? — шептали мы на клубной галёрке, когда смотрели «Служили два товарища», где он ничего не пел, но играл потрясающе даже по нашим сельским мальчишечьим — а значит, неподкупным — понятиям.

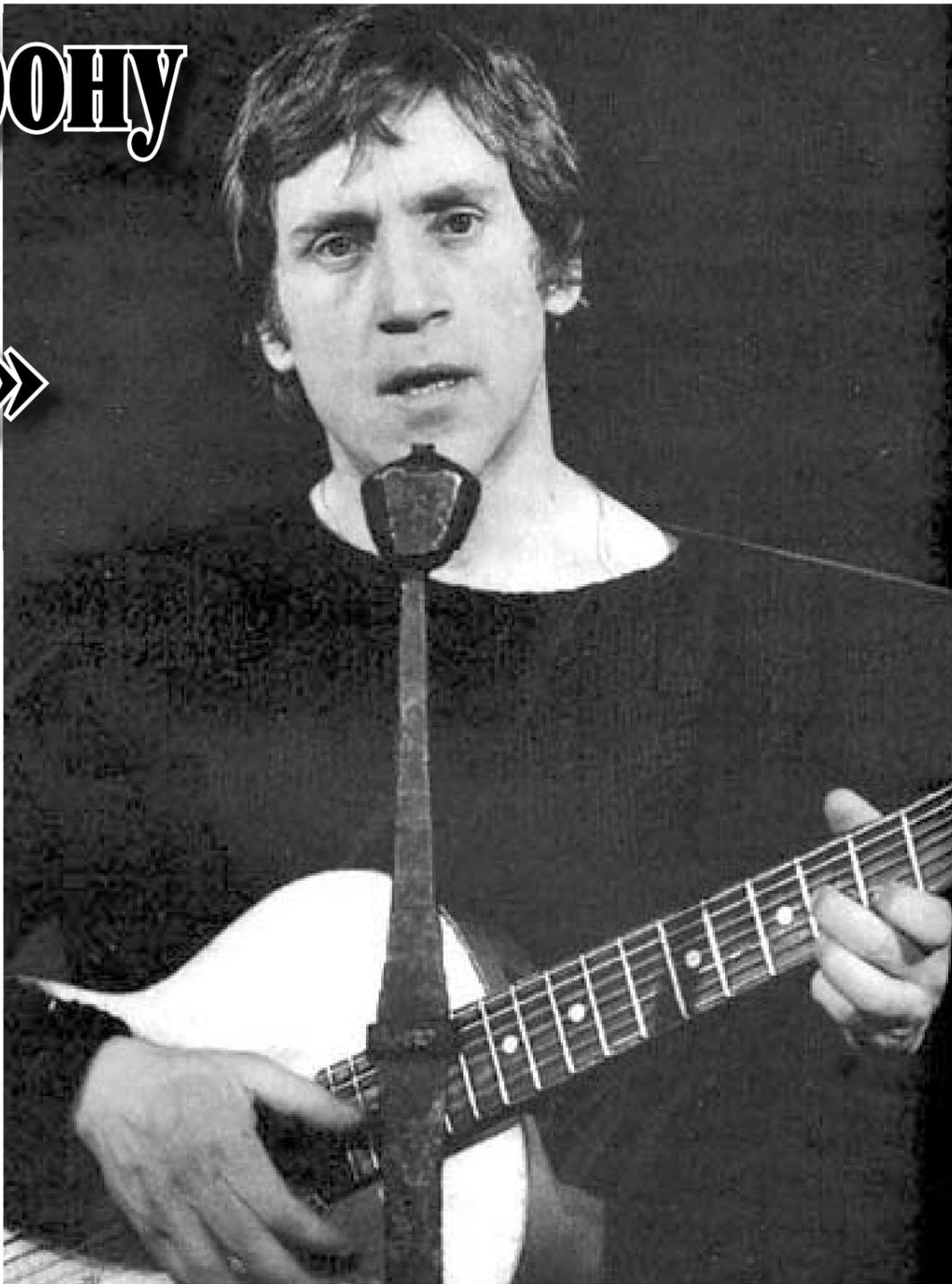
Пронзенья сыпались, влёскивались в нас одно за другим: «Лукоморья больше нет»; «нам бермудорно на сердце и бермудно на душе»; «вон покати́лась вторая звезда — вам на погоны». Это не названия, это память строк.

«На братских могилах не ставят крестов, и вдовы на них не рыдают». Районный редактор Иван Комаров, поныне живущий орловец, взял и опубликовал эти священные ныне фразы. Что тогда поднялось! Песня уже была на пластинке, но Комарова вызвали в райком: какие такие вдовы, что за кресты? Отсебятина, политическая незрелость, лишить партбилета!

Ивану пришлось писать в «Комсомольскую правду», откуда вскоре прилетел короткий ответ: «Братские могилы» — песня московского артиста Высоцкого».

Владимира Семёновича до самой смерти, целых двадцать лет, боялись назвать поэтом. Он и вправду не был поэтом, он был гением; а кто же признает гением стоящего рядом, ходящего по тем же улицам, дышащего тем же временем...

Он лучше всех сыграл Гамлета на всемирном Шекспировском фестивале в Лондоне — у нас про это молчали. Он произвёл фурор в Голливуде

— у нас опять пугливый молчок.

Любая правда, даже любая правдивая нотка тогда считались антикоммунизмом. А в его строках, в его страстном надрыве была только правда.

Когда мы повзрослели, к нам вдруг пришло: да не в политике дело, а в исконно природном слове Высоцкого. Потрясла его строка:

«В синем небе, колокольнями проколотом...».

Животворно русское небушко, надёжно подпертое нашими тогда ещё почти запрещёнными русскими колоколенками.

**«...Медный колокол,
медный колокол
То ль возразовался,
то ли осерчал.
Купола в России кроют
чистым золотом,
Чтобы чаще Господь
замечал».**

И в той же песне умопомрачительная, волшебнейшая аллитерация, божественный звон согласных звуков: «злт, злт, злт». Помните, когда поэт решает починить свою «стёртую перека́тами» душу: «Залатаю золотыми я заплатами, / Чтобы чаще Господь замечал».

Мы годами ходили под впечатлением этих строк. И многих других:

**«Мы всегда так живём.
Траву кушаем, век на щавеле.
Скисли душами,
опрыщавели».**

Каждая песня — серьёзная или юморная — вводила в транс. Помимо вселенского житейского смысла, меня лично кидало в благоговейную дрожь его словообразование — знак редкостного еди-

нения с Всевышним через глагол:

«...И лучи его с шага сбивали и кололи, словно лавры»; «...не добежал бегун-беглец»; «...клетки, как круги перед глазами»; «... пусть черёмухи сохнут бельём на ветру», «...я скажу, что с министром финансов дружу».

Это можно продолжать не часы — годы. Но вот ещё что очень долго будило по ночам:

«Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья».

Что это за посланник был спущен нам с небес? Как всякого посланника, мы его распяли.

Он пил и дебоширил, но бился только за чистоту.

У него было бездонное обаяние: всяк видел и чувствовал, что сериал «Место встречи изменить нельзя» держится на Высоцком. Мне самому бабушки говаривали: «Высоцкий — Жеглов ушёл с экрана — нас сразу в сон кидает; он вновь появился — мы тут же пробудились».

«Ну, Шаратов, что делается в мире и его окрестностях?» Сам ли он выдумывал в фильме эти шутки или просто умел играть сценический текст с предельно точной интонацией?

Его песни стали феноменом русской культуры. Под него пробовали и пробуют подлаживаться, но это всего лишь потуги.

«...Крест на груди в густой шерсти...». Да считай, все его строки стали афоризмами: «я скачу, но я скачу иначе»; «два красивых охранника»; «я к микрофону стал, как к образам»; «кто кончил жизнь трагически...»; «ох, где был я вчера»; «я поля влюблённым постелю»; «мой мозг, до знаний жадный, как паук».

И вот так к сорока двум создать этакую совершенно обжигающую бездну? Ту, в которую и поныне заглядывают с опаской, с блаженством; легко черпают и пьют, тяжко усваивают и осмысливают.

Гений и посланник.

«А на нейтральной полосе цветы»; «горы спят, вдыхая облака, выдыхая снежные лавины», «всего лишь час дают на артобстрел»; «все срока уже закончены» — каждую фразу почти каждый читатель может продолжить второй памятной строкой.

Разве это не вечность? Разве тут не всероссийская любовь?

В чём его феномен? Может, в том, что оставался самим собой со своей могучей самостью.

Согласен, что эту самость только столица и могла сохранить. В глубинах провинциальной России пропали без вести десятки таких Высоцких. Как пропали десятки других — к примеру, Распутиных. Как чуть не пропал, к примеру, Юрий Казаков, один из лучших прозаиков русского века. Его помнят лишь сподвижники — но об этом другой разговор.

Хорошо, что Высоцкий выжил и стал классиком масс, лицом эпохи. И по праву! Говорят, что он и стал популярен из-за гонений: как Есенин. Не будем говорить плохого о Есенине, его песни стали народными в отличие от оппонента Маяковского.

Но Высоцкий, испытывая гонения, взял в свои строки и Есенина, и Маяковского — и, главное, самого себя, неповторимого, блестящего, безумно красивого и честного.

Юрий ОНОПРИЕНКО.